



Изъ воспоминаній студента Императорской Московской Духовной Академіи XXXII курса (1873—1877 г.г.) *).

Николай Ивановичъ Субботинъ: высокій, стройный, всегда въ хорошо спитомъ съ молоточка костюмѣ, безукоризненной чистоты сорочкѣ и манжетахъ, изящный и красивый блондинъ, хотя уже и въ парикѣ и, кажется съ вставными зубами. Преподавалъ исторію и обличеніе русскаго раскола весьма занятно, и студенты любили его слушать. Читалъ онъ мастерски, передавая рѣчи разныхъ старообрядческихъ дѣятелей—протопопа Аввакума, Никиты Пустосвята и др.—въ лицахъ по актерски. У меня особенно засѣли въ памяти выдержки изъ автобіографіи протопопа Аввакума и, удивительное дѣло, вмѣсто отвращенія къ нему вызывали симпатію, какъ къ непонятной, но самобытной и великой силѣ русскаго духа, хотя и работавшей въ ложномъ направленіи. Лекціи отличались и великолѣпною литературною обработкою. Но все ограничивалось одною только внѣшнею стороною. Никакой исторической осмысленности и идейности, безъ всякой вѣскости. Ученымъ мужемъ Н. И. среди студентовъ не считался: такого впечатлѣнія не производили ни его лекціи, ни его журнально-газетныя публицистическія статьи,—а можетъ быть этому содѣйствовали и домашнія внушенія студентамъ со стороны недруговъ С—на. коихъ у него было не мало въ профессорской корпораціи, особенно П. И. Горскій, С. К. Смирновъ и др. Наука Н. И-ча близила его ко многимъ, власть имущимъ и высокопоставленнымъ лицамъ, и его подозрѣвали въ несвойственныхъ.

*) Продолженіе. См. Богословскій Вѣстникъ 1915, Октябрь—Декабрь, стр. 646 сл.

ученому и профессору дѣянiяхъ. Недавно изданная переписка Н. И-ча съ К. П. Побѣдоносцевымъ вполне оправдываетъ эти подозрѣнiя. Но, вѣроятно, найдутся и другiя оправдательные документы для этихъ подозрѣнiй. По безмездной и часто самоотверженной работѣ на пользу общеакадемическаго дѣла Н. И. принадлежалъ къ *отлынивающимъ* профессорамъ. Припоминаю только одинъ случай его участiя въ докторствѣ Е. Е. Голубинскаго. Но его возраженiя отличались не научностiю, а литературнымъ красноречiемъ. Особенно сильному паденiю ученый фондъ Н. И-ча подвергся отъ его докторской диссертации и на его докторскомъ диспутѣ. Исторiя Бѣлокриницкой iерархiи хотя и носить у автора названiе «историческаго изслѣдованiя», но есть литературно-беллетристическое произведенiе, а не ученая работа, — притомъ о предметѣ, по своей близости къ настоящему времени и не подлежащемъ научному изслѣдованiю, — и, наконецъ, по случайнымъ матеріаламъ, найденнымъ не самимъ докторантомъ, а доставленнымъ ему самоучастникомъ этой исторiи — Павломъ Прусскимъ. Все это выяснилось на диспутѣ. Говорили, что присутствовавшiе на немъ Павелъ Прусскiй и Мельниковъ — Печерскiй болѣе бы заслуживали степени доктора, чѣмъ Н. И-чъ. Для обязательныхъ ученыхъ работъ — кандидатскихъ диссертаций — къ Н. И-чу отбирались самые научно малосильные студенты, въ языковеднiи не уходявшiе далѣе русскаго и не мечтавшiхъ ни о чемъ болѣе казенной кандидатки. За двадцать четыре года (съ 1870 по 19 Окт. 1894 г.) профессуры въ преобразованной академiи Н. И-чъ по своей дисциплинѣ не далъ, если не ошибаюсь, ни одного магистра. Онъ не позаботился даже подготовить преемника себѣ, такъ что на его кафедрѣ Совѣтъ вынужденъ былъ избрать специалиста по каноникѣ, а не по расколу. Да и самъ Н. И-чъ не особенно жаловалъ работниковъ съ претензiями на науку. Мнѣ извѣстенъ случай, когда онъ прямо заявлялъ таковому о своемъ нежеланiи или даже непривычкѣ (и неумѣнiи?!) руководить таковыми и рекомендовалъ другихъ профессоровъ. Случай этотъ былъ съ студентомъ 44-го курса, 1885—1889 гг., послѣ двадцатилѣтняго уже преподаванiя дисциплины. — А въ громадномъ спискѣ напечатанныхъ произведенiй самого Н. И-ча не видится ни одной научной работы, — все — беллетристика и журналистика, га-

зетныя статейки и под.—Даже его «Матеріалы» и другія изданія едвали отличаются научностью. Я — профанъ въ этой области. Но сужу по тому, что въ мое время эти матеріалы переписывались, за крайне малую цѣну, бѣдными студентами, безъ всякой подготовки къ этому дѣлу, только для заработка: часто не разбирали оригинала, обращались къ товарищамъ то же не подготовленнымъ, въ концѣ концовъ писалось, что пришло въ голову, наобумъ. Не знаю какъ издавались матеріалы потомъ, но первые томы изданія моихъ студенческихъ годовъ требуютъ тщательной провѣрки. Считаю должнымъ сообщить одинъ характерный случай, касающійся лично меня, когда Н. И-чъ былъ уже въ отставкѣ, а я приближался къ 25-лѣттю профессуры. Н. И-чу были доставлены изъ Константинополя чрезъ Нелидова, изъ какого то архива (патріаршаго или султанскаго—не знаю), письменные документы, касающіеся первоиерарха старообрядческаго Амвросія—на новогреческомъ языкѣ. Н. И-чъ, кромѣ русскаго, не зналъ никакого языка, а тѣмъ менѣе—новогреческій. Переводъ былъ сдѣланъ мною и напечатанъ въ Братскомъ словѣ, не помню года. И что же?—Ни гонорара, ни даже упоминанія обо мнѣ. Замѣчу, что я такъ мало интересовался тогда, какъ и всегда вообще, этимъ предметомъ, что не видалъ въ печати моего перевода и не провѣрялъ. Можетъ быть Н. И-чъ нашелъ нужнымъ, въ миссіонерскихъ дѣлахъ, измѣнять и поправлять переводъ,—этого не знаю.—

Полнѣйшую во всѣхъ отношеніяхъ противоположность Н. И. Субботину предоставлялъ *Евгеній Евсигневичъ Голубинскій*. «Все наоборотъ»,—даже художнику нарочно не выдумать болѣе эффектнаго контраста—до мелочей, до курьеза. По вѣншности: «не ладно скроенъ, да прочно сшить»,—приземистый, мускулистый, неуклюжій въ движеніяхъ и жестахъ, съ рыжеватою не большою бородой и остриженной подъ гребенку (какъ тогда говорили, когда еще не было машинокъ для стрижки съ разными номерами) довольно увѣсистую голову. Во время моего пребыванія на первомъ курсѣ Е. Е-чъ былъ въ заграничной командировкѣ—въ Палестинѣ, на Афонѣ и въ славянскихъ странахъ. Я посѣщалъ его, очень рѣдко, уже на слѣдующихъ курсахъ, когда интересъ къ лекціямъ и лекторамъ уже ослабѣлъ и смѣнился

личными дѣлами. Да и самъ лекторъ и лекціи ни малѣйшей охоты къ слушанію не вызывали. Ясно помню первое впечатлѣніе. Является вышеописанный приземисто-коренастый человѣкъ въ аудиторію, — въ очкахъ, поношенномъ вицмундирѣ и съ большимъ портфелемъ подъ правую мышкою, — озирается по сторонамъ, какъ будто попалъ не туда, куда надо, или не знаетъ, куда, — какою то торопливою и неравномѣрною походкою подходитъ къ столику, почему-то стоявшему рядомъ съ внушительнаго вида и солидныхъ размѣровъ креслами, — какъ-то суетливо садится за столикъ и кладетъ на него портфель. Потомъ вынимаетъ большущую рукописную тетрадь, кладетъ ее передъ собою, вынимаетъ изъ задняго кармана бѣлый платокъ, снимаетъ очки, протираетъ, наклоняется къ тетради, надѣваетъ очки, опять наклоняется, поднимаетъ очки на лобъ, проводитъ рукой по стриженной щетинѣ головы, чешетъ затылокъ: все торопливо, неуклюже, нервозно. Также торопливо, костромскою скороговоркою, нескладно, путаясь въ періодахъ, усапая рѣчь постоянными присловіями: того, какъ его и под., — начинаетъ говорить что то о путешествіяхъ въ Россію Ап. Андрея и Антонія Римлянина, критиковать сказанія о нихъ... Вообще Е. читалъ лекціи совсѣмъ не по профессорски — ни по внѣшности, ни по дикціи, ни по стилю, ни по содержанію: во всемъ суетливость, какъ бы неряшливость, пожалуй — безпорядочность, отсутствіе гармоніи и ритма — полная, такъ сказать, антихудожественность. Рѣчь тяжелая, нудная, путаная. У него не было выработаннаго языка, и онъ, повидимому, не могъ говорить и писать такъ свободно, какъ піанистъ играетъ на клавишахъ инструмента. Онъ мыслилъ и думалъ фактами, а слова, каждый разъ, подбиралъ съ трудомъ, придумывая ихъ, какъ неопытный музыкантъ разучиваетъ новую пьесу. Рѣчь его не лилась рѣкою, но тапчилась какъ тяжелый возъ ломовикомъ. Я посѣщалъ аудиторію Е. Е-ча еще раза дватри. Впечатлѣніе тоже: какъ будто профессоръ сидѣлъ дома за столомъ, погруженный въ ученныя справки, — и неожиданно вспомнилъ, что ему надо идти на лекціи, — наскоро схватилъ лежавшую на столѣ тетрадь и побѣжалъ въ аудиторію съ тѣмъ, что попало подъ руки, не заботясь о томъ,

что и какъ читать. Вообще: Е. Е-чъ не профессоръ, читающій лекціи въ аудиторіи, а кабинетный ученый работникъ, читающій и пишущій фоліанты. Для характеристики впечатлѣнія, какое производилъ Е. Е-чъ на студентовъ, можетъ служить то, что его обычно называли не по имени и отчеству и не по фамилію, но «Евсюха», выражая его неуклюжесть и медвѣдеподобность. Изъ позднѣйшаго моего знакомства съ Е. Е-мъ я вынесъ впечатлѣніе, что онъ даже нарочно не заботился объ отдѣлѣ лекцій для аудиторіи, не желалъ имѣть много слушателей, презрительно отзывался о литературныхъ краснбаяхъ, называлъ ихъ «прохвостами». Даже свою публичную актовую рѣчь онъ не сталъ читать самъ, а поручилъ проф. И. Н. Корсунскому. У такого лектора, конечно, не было обилія слушателей, и самъ онъ былъ очень этимъ доволенъ. Помню: при инспекторѣ Антоніи Коржавинѣ и ректорѣ Христофорѣ Смирновѣ стали силкомъ загонять студентовъ въ аудиторіи. Выхожу однажды изъ аудиторіи въ корридоръ, а передъ аудиторіей инспекторъ, помощники, служителя. Оказалось, что аудиторія была арестована для провѣрки слушателей: ихъ выпускали изъ аудиторіи по одному и отмѣчали. Точь въ точь—контроль желѣзнодорожныхъ билетовъ. Е. Е-чъ энергично выражалъ свое неудовольствіе на такую мѣру насильственной загонки студентовъ въ аудиторіи, какъ скотовъ въ хлѣва или стойла,—бранился, что необычная толпа слушателей мѣшаетъ ему спокойно читать лекціи,—и успокоился только тогда, когда вскорѣ, за выbytіемъ инспектора на ректуру Виванской семинаріи, эти гонки прекратились. Вообще Е. Е-чъ лекціи и аудиторіи не любилъ и нерѣдко говаривалъ, что если бы дали приличную пенсію, онъ немедленно бы оставилъ службу въ Академіи, что и сдѣлалъ въ 1895-мъ году. Разговоръ Е. Е-ча былъ также неуклюжъ, рѣзокъ, обрывистъ. «Прохвость, дуракъ, пройдоха, подхалимъ, прихвостень»: такими и подобными словечками онъ не стѣснялся обзывать даже тѣхъ изъ своихъ сослуживцевъ, кого онъ считалъ людьми хорошими и достойными. Поэтому, въ большинствѣ, такіе отзывы казались безобидными и не сопровождались бурными столкновениями.

Но къ нѣкоторымъ немногимъ лицамъ Е. Е-чъ имѣлъ за-

мѣтное нерасположеніе и не могъ говорить о нихъ безъ раздраженія и равнодушія, напримѣръ почему-то объ Иванѣ Даниловичѣ Мансветовѣ и особенно о Н. И. Субботинѣ.

Впрочемъ, какъ въ домашней жизни, такъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ своихъ, Е. Е-чъ находился подъ вліяніемъ другихъ лицъ. Подобно всѣмъ увлеченнымъ чѣмъ-либо онъ, внѣ своего увлеченія, былъ полный ребенокъ, нуждавшійся въ нянькахъ. Дома такую нянькою была для него преданная и вѣрная его прислуга—Арина. А во внѣ имъ правилъ его товарищъ по академіи П. И. Горскій, коего глазами онъ смотрѣлъ на все и на всѣхъ: симпатіи и антипатіи П. И-ча были и у Е. Е-ча. Считаю нужнымъ отмѣтить эту мелочь въ виду того, что Е. Е-чъ оставилъ свои воспоминанія, и при объемливной ихъ оцѣнкѣ необходимо учитывать и этотъ общій коэффициентъ.

Научная добросовѣстность Е. Е-ча доходила до щепетильности. Вотъ примѣръ, совершенно противопологающій Е. Е-ча Субботину. Подъ конецъ своей жизни онъ работалъ надъ канонизаціей святыхъ и издалъ извѣстный трудъ свой по этому предмету въ 1903 г. Въ бібліотеку нашей академіи было пожертвовано большое собраніе житій позднѣйшихъ греческихъ святыхъ на новогреческомъ языкѣ. Е. Е-чъ хотя и самъ зналъ новогреческій языкъ, но при изданіи приложенныхъ къ нѣкоторымъ житіямъ патріаршихъ грамотъ въ греческихъ подлинникахъ и рускомъ переводѣ, онъ, не полагаясь на себя, обратился за содѣйствіемъ ко мнѣ и счелъ нужнымъ даже о такой незначительной услугѣ упомянуть въ своей книгѣ. Характерный контрастъ двухъ знаменитостей Московской Академіи!

Но вообще Е. Е-чъ любилъ работать одинъ, безъ помѣхи и постороннихъ содѣйствій. И это отсутствіе, такъ сказать, академической соборности въ дѣлѣ пауки и эгоистичная самоограниченность были научно-академическимъ грѣхомъ подвижника-анакрета науки.

При своей обширной учености и научной опытности Е. Е-чъ могъ бы въ нашей академіи создать большую школу историковъ русской церкви, —гораздо большую и плодотворнѣйшую, чѣмъ создалъ А. П. Лебедевъ для общецерковной исторіи. Но Е. Е-чъ не любилъ развлекать свою ученую аскезу вознесо съ кандидатами и, особенно, магистрами. Правда, отъ

кандидатовъ онъ не отказывался. Но ему писали большею частію только тѣ студенты, что избѣгали дисциплинъ, требовавшихъ языкознанія, и желали отдѣлаться работою по казенной необходимости. И самъ Е. Е-чъ не любилъ, когда его отрывали отъ дѣла посѣтители съ разспросами по предмету диссертаций. По этому поводу составились даже анекдоты. Мой товарищъ, С. И. Кедровъ, бывшій преподаватель Московской Семинаріи, занимавшій первое мѣсто на церковно-историческомъ отдѣленіи, написалъ Е. Е-чу очень дѣльную, по рукописнымъ матеріаламъ лаврской библіотеки, работу объ Аврааміѣ Палицынѣ. Е. Е-чъ очень ее одобрилъ. Но когда, на 4-мъ курсѣ, Кедровъ обратился къ Е. Е-чу съ предложеніемъ о магистерствѣ, то встрѣтилъ такой приемъ, что на всю жизнь потерялъ охоту къ своему магистерству. Этотъ скромный, благодушный, кроткій и милый юноша былъ самъ не свой: бѣгалъ, горячился, плевался, бранился и пр. Такъ и не получилъ степени, хотя и напечаталъ свою работу. Впослѣдствіи составилось убѣжденіе, что у Е. Е-ча получить магистра можно было только силкомъ, противъ желанія профессора. Благодаря такому отношенію профессора къ своимъ кандидатамъ, немного было желающихъ работать по такой важной, интересной и плодотворной дисциплинѣ, какъ русская церковная исторія. Къ Е. Е-чу, какъ я сказалъ уже, отбирались большею частію писатели слабосильные, не мечтавшіе о научной карьерѣ и удовлетворявшіеся кандидатскимъ дипломомъ. Вотъ почему за 33 слишкомъ года профессуры по русской церковной исторіи и 24½ изъ нихъ при новомъ уставѣ, Е. Е-чъ далъ, если не ошибаюсь, не болѣе пяти магистровъ,—и тѣхъ, кажется, вопреки своему желанію, по крайней мѣрѣ—большинство.

Этому содѣйствовало и общее настроеніе академіи нашего времени. По какимъ то, непонятнымъ мнѣ доселѣ, причинамъ цѣпилось все чужое, иностранное, западно-европейское, греческое, латинское... и, въ концѣ концовъ, малоплодное. А все русское и плодотворное казалось слишкомъ простымъ, легкимъ, общедоступнымъ... Наболѣе сильныя работники предпочитали что нибудь по труднѣе и шли къ профессорамъ древней и новой исторіи церкви, патристики, философскихъ дисциплинъ, священнаго писанія и пр. Страшное явленіе! Студенты охотно трудились тамъ, гдѣ могли быть

только рабами и избѣгали работать въ тѣхъ областяхъ, гдѣ открывалась возможность быть полными хозяевами. Этотъ непонятный, тяжелый и обидный рокъ тяготѣетъ надъ Академіей и до днесь! Въ чемъ тутъ суть, не знаю. Во всякомъ случаѣ не въ томъ, въ чемъ указалъ Е. В-чъ, что «нація наша не высокаго достоинства». Самое это явленіе доказываетъ противное: отсутствіе тупого самодовольства и широту русскаго духа. Скорѣе тутъ сказывается отсутствіе школы, ребяческая переоцѣнка своихъ силъ, — юношеская неопытность и незнаніе тѣхъ непреоборимыхъ трудностей, съ какими приходится встрѣчаться молодому ученому при дальнѣйшей специализаціи работы по общенароднымъ европейскимъ дисциплинамъ. Это — грѣхъ всей школы, а не однихъ только профессоровъ и студентовъ.

Замѣчаніемъ этимъ, по моему мнѣнію, объясняется очень многое въ научной исторіи Академіи. И, между прочимъ, напримѣръ, то, что такой дѣльный, имѣвшій широкую научную подготовку, проницательный умъ и большую трудоспособность, профессоръ, какъ *Димитрій Теодоровичъ Касицынъ*, не оставилъ, можно сказать, замѣтнаго слѣда въ научной исторіи нашей Академіи. Напечатанной имъ магистеркой о ересяхъ и расколахъ первохристіанскихъ исчерпывается его учено-литературная дѣятельность, ограничивавшаяся газетно-журнальною публицистикою.

Д. Ѳ-чъ былъ профессоромъ новой церковной исторіи.

Малаго роста, — не толстый, а скорѣе мускулисто-сухощавый, соразмѣрно сложенный, — онъ однакожь, по доселѣ для меня необъяснимой причинѣ, оставилъ во мнѣ общее впечатлѣніе шаровидности. Небольшая круглая голова съ продолговатыми волосами подъ русскую скобку, круглое бритое лицо съ румянцемъ, голубыми глазами, маленькимъ носомъ и круглымъ подбороткомъ, походка скорая крупными шагами, жесты и размахи руками, нервозность во всѣхъ движеніяхъ: общій видъ — пѣмецкаго пастора или комическаго дядюшки.

Для лекцій онъ умѣлъ выбирать самый интересный и такъ сказать типичный матеріалъ, нерѣдко съ смѣшнымъ оттѣнкомъ, вызывавшимъ дружные взрывы хохота. Произношеніе рѣдкое, отчетливое, каждое слово отчетанивалось въ головѣ слушателя и легко записывалось въ тетради. Голосъ басистый и зычный, но вдругъ страннымъ образомъ пропадав-

пшій и переходившій въ едва слышный шепотъ. По этому поводу студенты острили, произнося во фразѣ «старый маркграфъ *вскричалъ*» первыя два слова звучнымъ басомъ, а «вскричалъ»—шепотомъ. Лекціи Касицына, какъ и всѣхъ своихъ профессоровъ, историки посѣщали охотно. Мнѣ пришлось быть на двухъ—трехъ лекціяхъ. Лекторъ читалъ не по тетради, а по отдѣльнымъ листкамъ, въ родѣ карточекъ, беря изъ корокъ то одинъ, то другой листокъ. Говорили что онъ усвоилъ этотъ обычай во время своего заграничнаго путешествія у западныхъ профессоровъ, пишущихъ основной матеріалъ лекцій на такихъ карточкахъ, а потомъ тасующихъ ихъ, смотря по начертанному для даннаго семестра плану. Онъ излагалъ Письма темныхъ людей и Похвалу глупости Эразма—предметы чрезвычайно интересные и захватывающіе—съ явнымъ сочувствіемъ къ реформаціи и осужденіемъ средневѣковаго католицизма. Но впоследствии онъ перемѣнилъ настроеніе въ обратное, ярко отразившееся на его актовой рѣчи и въ полемическихъ статьяхъ въ Душенолезномъ Читаніи. Предъ оставленіемъ академической службы Д. Θ-ча я находился съ нимъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ дѣтствѣ и юношествѣ онъ отличался необыкновенною религіозностію, едва ли не доходившею до экстаичности. Потомъ это настроеніе смѣнилось скептицизмомъ и рачіонализмомъ. Но подъ старость религіозность возродилась и уже не оставляла его до смерти въ санѣ московскаго протоіерея. Предъ принятіемъ священнаго сана Д. Θ-чъ колебался и смущался предъ высотой сана и особенно предъ способомъ полученія средствъ къ существованію. На это я говорилъ ему, что полученіе средствъ къ существованію (Д. Θ-чъ вышелъ въ отставку съ старою ничтожною пенсіей) въ священномъ санѣ по существу ничѣмъ не отличается отъ казеннаго жалованья, почерпаемаго изъ того же источника, только не непосредственно,—и что совѣсть профессора духовной или церковной академіи не можетъ допускать ничего такого, что не терпимо для совѣсти служителя Церкви въ священномъ санѣ. Навѣрно и самъ Д. Θ-чъ прежде меня и лучше сознавалъ все это.

Д. Θ-чъ основательно знаетъ католичество и протестантиство въ первоисточникахъ, обладалъ превосходнымъ знаніемъ трехъ—четырехъ новѣйшихъ языковъ, изучалъ на нихъ по-

вую церковную исторію Запада, тщательно слѣдилъ за литературою своего предмета и выписывалъ всё важныя новинки. Какъ внимательно и заботливо относился Д. Θ-чъ къ работавшимъ ему молодымъ ученымъ, объ этомъ свидѣлствуютъ въ своихъ воспоминаніяхъ: проф. В. А. Соколовъ и особенно архіеп. Варшавскій Николай (М. З. Зіоровъ). Но, по причинѣ слабой лингвистической подготовки, особенно по новымъ языкамъ, на историческомъ отдѣленіи отбиралось мало охотниковъ писать Д. Θ-чу магистерскія диссертациі. Мнѣ извѣстны пятеро: Коржавинъ, Ученіе объ оправданіи въ символическихъ книгахъ лютеранъ, — Маргаритовъ, Лютеранское ученіе въ его историческомъ развитіи при жизни Лютера, — Соколовъ И. Отношеніе протестантизма къ Россіи въ 16—17 вѣкахъ, — проф. В. А. Соколовъ, Реформація въ Англіи, — и М. П. Фивейскій, непрошедшая академической цензуры диссертациа объ Ирвингѣ.

Не со всеми коллегами Д. Θ-чъ находился въ ладу. Явная и сильная вражда была у него съ его своякомъ А. П. Лебедевымъ. Сообщаю объ этомъ опять на тотъ случай, если они оставили свои записки.

На церковно-практическомъ отдѣленіи старѣйшимъ профессоромъ былъ *Егоръ Васильевичъ Амфитеатровъ*, второй магистръ XIII курса Петроградской Духовной Академіи, единственный профессоръ не изъ питомцевъ нашей Академіи, занимавшій кафедру словесности и исторіи литературы. Старичекъ небольшого роста, худенькій, бритый, съ порыжелымъ отъ ветхости парикомъ шатэна, — онъ производилъ впечатлѣнія повѣтчика прежнихъ временъ. Въ аудиторію и на кафедру являлся всегда съ черною, покрытою блестящимъ лакомъ, табакеркою и фуляровымъ темно-краснымъ платкомъ въ лѣвой рукѣ. Лекціа предварялась зарядомъ табаку въ носъ, сморканіемъ и чисткою носа и губъ фуляромъ. Затѣмъ начиналось чтеніе по тетрадкѣ изъ синей и толстой старинной бумаги, — рѣдкое, вяжущее, приятнымъ старческимъ баскомъ, спокойное, безъ всякаго возбужденія, повышенія и пониженія, ровное, съ нервнымъ покачиваніемъ головы вправо и влево и изрѣдка подергиваніемъ верхней губы. Такъ какъ его разговоръ ничѣмъ не отличался отъ лекцій, то надо думать, что его дикціа зависѣла отъ природнаго устройства его голосовыхъ органовъ. Несмотря на монотонность

дикціи, все слышанныя мною лекціи Е. В-ча производили на меня сильное впечатлѣніе. Въ этомъ отношеніи въ рядѣ съ ними я могу поставить только слово Михаила при погребеніи А. В. Горскаго и рѣчь Ключевскаго на академическомъ актѣ по случаю 500-лѣтія по смерти препод. Сергія. Языкъ отрывистый, яркій, чистый, можно сказать образцовый до христоматійности. Впечатлѣніе усиливалось табачными зарядами носа предѣ. наиболѣе эффектными мѣстами. Но главную силу лекціямъ давало ихъ увлекательное содержаніе, умѣнье говорить только самое существенное, типичное. Первая, слышанная мною, лекція была о чувствѣ таинственнаго. Эстетико-психологическая теорія въ ней пояснялась впечатлѣніями отъ вѣковаго дремучаго бора, съ выдержками изъ «Лѣснаго царя» и др. Припоминаю превосходные захваты-вающие анализы художественной стороны Иліады не только во внѣшнихъ описаніяхъ, но и въ душевныхъ движеніяхъ героевъ, особенно Гектора при его прощаніи съ супругою и малолѣтнимъ сыномъ. Изъ русской литературы я съ непередаваемымъ восторгомъ слушалъ характеристики Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя и Тургенева. Къ сожалѣнію увлеченный Джіордано Бруно, а потомъ Филономъ, я не имѣлъ досуга выслушать весь курсъ Е. В-ча по иностранной и русской литературѣ. Его постоянные слушатели и обязательные ученики говорили, что лекціи Е. В-ча по эстетикѣ тяжелы и мало вразумительны. Напротивъ, лекціи по литературѣ пользовались всеобщимъ одобреніемъ. Впослѣдствіи, когда Е. В-чъ былъ уже частнымъ и сверхштатнымъ преподавателемъ на церковно-практическомъ отдѣленіи, его, при концѣ года, все курсы приглашали для чтенія одной или двухъ заключительно-прощальныхъ лекцій по русской литературѣ. Остается горько пожалѣть о судьбѣ этихъ синихъ, изъ толстой бумаги, тетрадей: гдѣ онѣ и почему не печатаются?—Какое-то недоразумѣніе вышло съ начавшимися было печататься въ Вѣрѣ и Разумѣ лекціями по эстетикѣ. Пусть!.. Хотя къмъ провѣрялось это недоразумѣніе?.. Но я говорю о лекціяхъ по литературѣ иностранной (Гомеръ, Данте, Сервантесъ др.),—пусть даже лекціи не оригинальныя, а компилятивныя или переводныя,—все же эти лекціи были образцовыми по русскому языку и стилю, и должны имѣть значеніе для исторіи русскаго литера-

турнаго языка. А лекціи по русской литературѣ, сколько могу судить, какъ профанъ въ этой области,—носятъ печать глубокой оригинальности и образцоваго стиля. Въдѣ на этихъ лекціяхъ воспитывались духовныя юноши, становившіеся пастырями, учителями, проповѣдниками, писателями и преподавателями школъ,—въ теченіи около 47 лѣтъ (съ 1839-го по 1886 г.). Для исторіи духовныхъ школъ это не могло остаться безъ значенія. Полезны были бы эти лекціи особенно теперь, когда всякаго рода кривлянье и фиглярство въ стихахъ и прозѣ нахально ползутъ на пьедесталы Пушкина, Тургенева и др. классиковъ.

Въ студенчествѣ, не безъ винушія профессоръ конечно, Е. В-чь считался гордецомъ и надменнымъ. Говорили, что студентамъ онъ совсѣмъ не подастъ руки, а младшихъ профессоръ удостоиваетъ только одного или двухъ пальцевъ. Мнѣніе это установилось тредиціоннымъ путемъ и нашему курсу было передано отъ старшихъ. Поводъ къ такому мнѣнію могъ быть данъ тѣмъ, что въ качествѣ секретаря дорсформенной Академіи, особенно въ ректорство увлеченнаго наукою А. В. Горскаго, Е. В-чь заправлялъ дѣлами не только Академіи, но и подчиненныхъ ей семинарій Московскаго округа. А въ мое время, какъ не исполнившій требованіе академическаго устава 1870-го года о срочномъ представленіи и защитѣ докторской диссертации. Е. В-чь былъ уже на положеніи сверхштатнаго преподавателя. Но, насколько зная я самъ Е. В-ча, думаю объяснить установившееся мнѣніе о его гордынѣ простымъ недоразумѣніемъ: —его манерою держать себя прямо, медленною торжественною походкою, всегда серьезною, какъ бы властно-начальственною, рѣчью,—что все зависѣло не отъ гордыни, а отъ природнаго устройства его корпуса и голосовыхъ органовъ. А о двухъ-одномъ пальцѣ надо сказать, что лѣвая рука у него всегда была занята табакеркою и фуляромъ, а въ трехъ первыхъ пальцахъ правой руки постоянно пребывалъ табачный зарядъ для носа. Такимъ образомъ у него оставались свободными: два пальца правой руки и одинъ или два, смотря по положенію табакерки и фуляра, пальца лѣвой. Кромѣ того его мизинцы, отъ старческаго склероза и хираргры, не обладали достаточною подвижностью. Какъ бы то ни было, но когда я былъ младшимъ преподавателемъ Ака-

деміи, никакой надменности или гордыни я не замѣчалъ въ Егорѣ Васильевичѣ, ни по отношенію къ себѣ, ни въ отношеніи другихъ младшихъ преподавателей.

Литературнымъ трудамъ Е. В-чь не отдавалъ себя. Мнѣ известны двѣ статьи его въ прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отцовъ (5. 25): «Общій характеръ священной поэзии евреевъ», и «О существѣ и свойствахъ художественной дѣятельности». Но суровая до придирчивости критика статей со стороны митрополита Филарета, принимавшаго тогда ближайшее участіе въ редакторствѣ академическаго журнала, побудила, будто бы, самолюбиваго профессора бросить авторское перо и никогда болѣе уже не припиматься за литературный трудъ. Впрочемъ, для всесторонняго сужденія объ этомъ случаѣ надо имѣть въ виду, что сложное и тяжелое дѣло тогдашняго академическаго секретарства едва ли могло располагать къ литературному труду, не давая ни необходимой для него сосредоточенности, ни нужнаго досуга.

Александръ Федоровичъ Лавровъ, впоследствии Архіепископъ Литовскій Алексій, профессоръ Церковнаго Права. Величественно - монументальный, онъ не сидѣлъ, а возсѣдалъ на кафедрѣ,—не читалъ и не говорилъ, а вѣщалъ и изрекалъ торжественно-зычнымъ басомъ, наподобіе каменной статуи въ Донѣ Жуанѣ. На пюпитрѣ возлежалъ полный исписанный листъ, со множествомъ всякаго рода приклеекъ по краямъ, въ видѣ небольшихъ клочковъ съ оборванными краями, квадратныхъ четвертинокъ, продолговатыхъ осьмушекъ, длинныхъ полосъ, въ нѣсколько разъ сложенныхъ и свиткообразно свернутыхъ. При поворотѣ листа все это дрожало, трепыхалось, развертывалось. Лекторъ переводилъ глаза съ середины листа вверхъ, внизъ, направо, налево, развертывалъ приклейки, свертывалъ, раскладывалъ, складывалъ. Содержаніе—справочнаго характера для какого то каноническаго казуса или правила, начиная съ Библии, правилъ Апостоловъ, Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборовъ, историческихъ примѣровъ Восточныхъ и Западныхъ Церквей и кончая справками изъ Русской исторіи, Уставомъ Душевныхъ Консисторій и указами Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Все это очень обстоятельно, научно, полно... но бездѣйственно и мертво,—дѣльная статья для ученой энциклопедіи, но не живая лекція. Идти на слѣдовавшую потомъ это-

рую лекцію у меня уже не хватило охоты. Да и ученики А. Ө-ча посѣщали его лекціи не совсѣмъ исправно.

Но если какъ лекторъ А. Ө. не пользовался у студентовъ популярностью, то какъ ученый и какъ руководитель учеными студенческими работами (кандидатскими и магистерскими сочиненіями) онъ былъ выдающеюся силою академическою. Знатокъ языковъ: латинскаго, греческаго (послѣдній онъ восемь лѣтъ преподавалъ, съ 1862 по 1870 годы, въ качествѣ добавочнаго предмета) и нѣмецкаго, А. Ө. превосходно зналъ, какъ новѣйшую литературу, такъ и первоисточники своей науки,—и охотно дѣлился своими знаніями и опытностью съ работавшими ему студентами, какихъ въ мое время было очень большое число, едва ли всегда не большая половина церковно-практическаго отдѣленія. Его внимательность къ своимъ писателямъ доходила чуть не до ухаживанія за ними. Рѣдкій день не появлялся въ академическихъ номерахъ А. Ө. съ нѣмецкою брошюркою, новенькою книгою или старымъ фоліантомъ для того или другого работника ему. Всѣхъ своихъ знакомыхъ студентовъ А. Ө. называлъ по имени и отчеству и, при встрѣчѣ, чуть не первый, уже издали, снималъ шляпу. Это многихъ смущало и отзывалось приторною льстивостью. Всѣ писатели его считали обязанностью ходить къ нему на чай и бесѣдовать не только по наукѣ, но и о студенческихъ дѣлахъ вообще. Другіе студенты смотрѣли на это съ свойственною общежительной молодежи и, конечно, мало основательной подозрительностію. Не только у студентовъ, но, какъ потомъ узналъ я, и у профессоровъ составилось мнѣніе, что А. Ө. и его супруга знали всѣ мелочи жизни не только каждаго студента, но и каждаго профессора. Мнѣніе, вѣроятно не основательное и навѣрно преувеличенное, составившееся, кажется, подѣ влияніемъ уединенной жизни супруговъ, послѣ смерти ихъ единственной дочери. По моимъ наблюденіямъ, корпорація не любила А. Ө-ча и считала его неискреннимъ. Единственнымъ другомъ его былъ Михаилъ, его однокурсникъ.

Въ теченіи четырехъ лѣтъ мнѣ пришлось только однажды имѣть личное отношеніе къ нему, по случаю заданной мнѣ инспекторомъ проповѣди въ 40-й день по кончинѣ А. В. Горскаго, совпавшій съ годовою памятію митрополита Фила-

рета, о чемъ я говорилъ ранѣе. Я приходилъ къ А. Θ-чу за проповѣдью, бывшею у него на цензурѣ. Въ прихожей меня встрѣтили двѣ дѣвочки, сестры, однолѣтки, лишившіяся матери и взятые А. Θ-емъ и его супругою—бездѣтными—на воспитаніе. Дѣвочки бойкія, веселыя. Но, по тогдашнему настроенію, мнѣ было не до дѣтскихъ идиллій. Долго пришлось дожидаться, пока А. Θ. спустился съ вышки въ халатѣ ко мнѣ и увелъ меня въ столовую, гдѣ накрытъ былъ чай, и меня угостилъ имъ. Не помню, была ли тутъ супруга А. Θ-ча и дѣвочки. А. Θ. спрашивалъ меня о кандидатскомъ, какая тема, кому пишу, имѣю ли подлинникъ Филона и труденъ ли онъ. Вѣроятно замѣтивъ мою неразговорчивость, А. Θ. скорѣ отпустилъ меня, вручивъ пакетъ съ проповѣдью для передачи Виктору Дим. Кудрявцеву, исполнявшему должность ректора Академіи. О самой проповѣди—ни слова. Очевидно, она очень не по вкусу пришлась А. Θ-чу, ранѣе преподававшему церковное краснорѣчіе и не нашедшему такового въ моей проповѣди. Въ прихожей опять появились сестры—сиротинки, и я опять на нихъ нуль вниманія. Замѣчу, что у меня было казенное, еще на 1-мъ курсѣ сшитое, кургузенькое и обтрепанное пальтишко плохого коричневаго драпа, и я очень стѣснялся имъ. Тогда А. Θ-чь, стоявшій въ дверяхъ предъ заломъ, своимъ серьезно-зычнымъ басомъ сказалъ мнѣ: «обратите, Митрофанъ Дмитріевичъ, ваше благосклонное вниманіе на дѣвочекъ, онѣ хотятъ поздороваться съ вами». Неуклюже и по бурсацки я, не издавъ ни единого звука, сдѣлалъ почтеніе съ ними и поскорѣ драпка изъ квартиры. Надо замѣтить, что А. Θ-чь говорилъ со мною и видѣлъ меня въ первый разъ, и уже называлъ по имени и отчеству. Потомъ, когда я былъ уже приватъ—доцентомъ, а А. Θ-чь епископомъ Алексіемъ, викаріемъ Московскимъ, присутствовавшимъ на диспутѣ Н. И. Розанова (о Евсеѣѣ Памфилѣ), послѣ диспута сказалъ мнѣ: «Ну, я, М. Д., не желалъ бы попасть въ ваши лапы». Наконецъ, когда я поднесъ преосв. Алексію свою магистерскую диссертацию о Филонѣ на Саввиномъ подворьѣ, онъ, въ присутствіи извѣстнаго протоіерея П. А. Смирнова, взялъ книгу, поцѣловалъ ее и меня, поблагодарилъ и обращаясь къ П. А-чу, сказалъ: «вотъ какія диссертации пишутъ теперь», или что-то въ этомъ родѣ.

Литературная производительность А. Θ-ча была не вели-

ка, но сильна: она вся почти исчерпывается сравнительно небольшими работами по поводу предполагавшейся тогда реформы церковнаго суда, но единственно благодаря только этимъ работамъ реформа не была осуществлена, несмотря на сильныхъ покровителей ея—графа Толстого, Макарія Булгакова и нѣкоторыхъ ученыхъ авторитетовъ. Свидѣтельствомъ о глубокой, хотя и подспудной, учености его можетъ служить небольшая справка его объ „*Ἐξάδελφῃ*“, извлеченная проф. И. Н. Корсунскимъ изъ академическаго архива и напечатанная по смерти автора въ Богословскомъ Вѣстникѣ, —случайная и для печати авторомъ не предназначавшаяся. Но для учениковъ А. Θ-ча его незаурядная ученость была ясно видна въ его руководствѣ ихними диссертациями. Въ теченіи только первыхъ четырехъ курсовъ новаго устава (29—32 съ 1874 по 1877 годы), подъ руководствомъ Лаврова были составлены кандидатскія сочиненія, ставшія потомъ магистерскими диссертациями: проф. Кипарисова, О свободѣ совѣсти, —проф. Заозерскаго, Церковный судъ въ первые вѣка христіанства, —свящ. Ильинскаго, Синтагма Властара, —Перова, Епархіальныя учрежденія русской церкви въ 16 и 17 вѣкахъ, —и еще нѣкоторыя, оставшіяся кандидатскими, но могшія быть магистерскими, напр. Мемнонова 31-го курса и др. Если бы профессоръ Лавровъ не сталъ Московскимъ викаріемъ, а потомъ Литовскимъ Архіепископомъ Алексіемъ, —смѣло можно утверждать, —онъ обогатилъ бы русскую канонику дѣльными работами—своими и своихъ учениковъ. Надо пожалѣть и о его лекціяхъ, хотя и не пригодныхъ для аудиторіи, но весьма полезныхъ для науки. Что случилось съ ними?

Церковную археологію и литургику преподавалъ *Иванъ Даниловичъ Мансветовъ*. Высокій, стройный брюнетъ. съ большими сѣрыми глазами и часто съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ. Онъ казался мнѣ настоящимъ красавцемъ. Страдавній недугомъ легкихъ, онъ былъ чрезвычайно раздражителенъ, и у него происходили частыя столкновенія съ студентами по поводу лекцій и экзаменовъ. Дѣло въ томъ, что въ Академіи царили: философія съ Платономъ, Кантомъ и др., богословіе съ Василіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ и др. Писаніе, исторія—церковная всеобщая и русская гражданская русская, литература иностранная и русская, —а **литургика** и церковная археологія разсматривались какъ

предметы побочные, неважные и неинтересные. Напротивъ, самъ профессоръ, какъ и большинство археологовъ, склоненъ былъ смотрѣть на свои дисциплины, едвали какъ не на краеугольный камень всего научнаго зданія Академіи. Эта переоцѣнка дисциплины о тонкостяхъ византійскаго стиля, его отличія отъ классическаго, — романскомъ, готическомъ, древне-русскомъ и др. стиляхъ, объ особенностяхъ древне-русскаго богослуженія и под. по сравненію съ Гомерами, Платонами, Ветхимъ и Новымъ Заветами, отцами Церкви, Вселенскими Соборами, Кантами и пр. представлялась студентамъ дѣломъ субъективизма и личнаго увлеченія узкаго спеціалиста, — отвѣтнаго сочувствія во всякомъ случаѣ не вызывало. Кромѣ того И. Д-чъ имѣлъ странную манеру вычитывать на лекціяхъ цѣлые листы выдержекъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ. Я попалъ именно на такую лекцію о стиляхъ и, хотя имѣлъ порядочную лингвистическую подготовку, просидѣлъ всю лекцію, ничево не понимая. Не удивительно, что, пріѣзжая изъ Москвы, И. Д-чъ иногда находилъ въ аудиторіи одного только дежурнаго студента. Раздраженный лекторъ быстро возвращался въ профессорскую комнату, а дежурный бѣжалъ въ номеръ съ предупрежденіемъ слушателей. Собиралось приличное число ихъ, начинались переговоры и уговоры по давать дѣлу оффиціального движенія и кончалось успокоеніемъ лектора и благополучнымъ проведеніемъ лекцій. Навѣрно эти казусы съ большимъ вредомъ отражались на здоровьи И. Д-ча и ускоряли роковую развязку. Такого же рода были и экзаменаціонные билеты, — по поводу ихъ происходили возбужденные переговоры студентовъ съ профессоромъ, кончавшіеся тѣмъ, что многіе, если не всѣ, шли на экзамень съ *tabula rasa* въ головѣ и тѣмъ заставляли сильно волноваться раздражительнаго профессора.

Въ совершеннѣйшей противоположности съ лекціями И. Д-ча стоятъ его многочисленныя литературныя работы. Большинство ихъ, особенно его докторская диссертация о церковномъ уставѣ, отличаются талантливостью, свѣжестью, оригинальностью и занимательностью. Какимъ образомъ такой интересныи писатель въ печати могъ быть такимъ невыносимымъ лекторомъ въ аудиторіи, доселѣ для меня остается вопросомъ. Говорю только о моемъ времени.

Пастырское богословіе и гомилетику читалъ прот. *Филаретъ Александровичъ Сергіевскій*. О немъ ничего не могу прибавить къ ранѣе сказанному о моей проповѣди на Срѣтеніе и о проповѣди моего товарища свящ. Архангельскаго. Какъ не представившій въ срокъ требовавшейся новымъ уставомъ докторской диссертации, онъ оставилъ Академію и перешелъ на должность ректора Вианской семинаріи. По его ходатайству я перешелъ изъ Тамбовской семинаріи въ Вианскую на греческій языкъ и во время службы здѣсь, особенно на экзаменахъ, убѣдился въ превосходномъ знаніи имъ греческаго классическаго языка. Нѣкоторое время онъ преподавалъ этотъ языкъ и въ Академіи.

Каедру гомилетики и пастырскаго богословія, послѣ Сергіевскаго, занялъ *Василій Θεодоровичъ Кипарисовъ*. Но онъ только началъ чтеніе лекцій, и я ничего не могу о немъ сообщить, кромѣ вышесообщеннаго о моей проповѣди на Покровъ.

Къ церковно-практическому отдѣленію административно причислялись и языки—древніе и новыя. О профессорѣ по греческому языку *С. К. Смирновъ* мною подробно сказано въ Юбилейномъ Сборникѣ.

А о профессорѣ латинскаго языка *Петръ Ивановичъ Цвѣтковъ* могу сообщить только то, что онъ превосходно зналъ свой предметъ. Товарищи мои обращали вниманіе на высокопарную торжественность его дикціи, не соотвѣтствовавшую спокойному содержанию какъ сообщавшихся самимъ лекторомъ свѣдѣній, такъ и читавшихся и переводившихся выдержекъ изъ латинскихъ авторовъ.

Были и еще, доселѣ здравствующіе, хотя теперь уже и престарѣлые, но тогда только начинавшіе, профессора.

Но... если о мертвыхъ я держусь правила говорить только правду (т. е. по моему личному мнѣнію), то о живыхъ предпочитаю я не говорить ничего, ибо хорошее можетъ показаться лестью, а плохое—личными счетами. Притомъ, въ то время они еще только начинали свою учено-профессорскую дѣятельность и не имѣли опредѣлившагося лика.

Все почти внѣлекціонное время въ первые два года отдавалось составленію проповѣди и трехъ сочиненій въ годъ: для восьми мѣсяцевъ (сентябрь—апрѣль), исключая каникулъ святочныхъ, масляничныхъ и первой недѣли поста—для говѣнія,

страстной тоже для говѣнія и пасхальной недѣль,—всего полтора мѣсяца,—этихъ работъ было исполнѣ достаточно. Вѣдь сочиненія писались на темы серьезныя и широкія, съ иноязычными большею частью источниками или же хотя и русскимъ, но обширнымъ матеріаломъ, нѣкоторые занимались еще изученіемъ иностранныхъ языковъ. Третій годъ весь уходилъ на кандидатскую диссертацию. Въ теченіи четвертаго года работали уже по желанію: надъ магистерскими сочиненіями, подготовкою къ магистральскому экзамену, изученіемъ специальныхъ предметовъ, иные давали уроки—частные и въ городской пиколѣ. На постороннее чтеніе, по крайпей мѣрѣ у меня, времени не было: несмотря на всѣ усилія припомнить читанныя мною книги, могу назвать только: сочиненія Хомякова и записки Пэръ-Ла-Шеза на французскомъ языкѣ, и то во время лѣтнихъ каникулъ, (бралъ у помѣщика), Фюстель-де-Куланжа, Дрешпэра, автобіографію протопопа Аввакума, проповѣди Іоанна Смоленскаго. Газеты—Московскія Вѣдомости—читалъ только во время лѣтнихъ каникулъ, бралъ у того же помѣщика. Только на четвертомъ году, когда происходила война съ Турціей, я въ складчинѣ съ другими, получалъ отъ разносчика—крещенаго еврея—Голосъ для просмотра. Затѣмъ,—не помню, гдѣ бралъ,—я читалъ Анну Каренину въ Русскомъ Вѣстникѣ, но не до конца, — съ окончаніемъ романа я познакомился поздно, когда былъ уже пожилымъ профессоромъ. Вотъ, кажется, и весь багажъ мною прочитаннаго посторонняго матеріала за все четырехлѣтіе студенчества. Едва ли много опускаю я по забвенію.

Никакихъ паучно-литературныхъ кружковъ, обществъ, рефератовъ и под. Правда, въ первую половину перваго года въ нашемъ курсѣ составилъ-было кружокъ, но совсѣмъ особаго рода,—изъ нѣсколькихъ человекъ, въ томъ числѣ и меня, не обладавшихъ ни голосовыми средствами, ни умѣньемъ, но одержимыхъ превеликимъ рвеніемъ къ пѣнію, подъ наименованіемъ «Бременскій хоръ». Откуда получилось такое названіе, не знаю: кажется, отъ неудачно выступавшаго тогда въ Россіи какого-то хора или оркестра изъ Бремена. Выбранъ былъ регентъ—умершій наставникомъ Московской семинаріи А. П. Десницкій, прилежно занимавшійся перепіскою нотъ и изучавшій ихъ, но не обладавшій никакими музыкальными способностями. Въ помощники ему выбрали

настоящаго регента академическаго хора П. В. Тихомирова: при его-то главнымъ образомъ содѣйствіи мы разучивали разные пьесы—духовныя, свѣтскія, малороссійскія. Названію регенту дали «*менауцеахъ*», изъ еврейскаго надписанія нѣкоторыхъ псалмовъ *ламенауцеахъ*, обычно и въ русск. Библ. переводимаго «начальнику хора» (Слав. по Семидесяти «*въ конецъ*», Агилла: «*побѣдотворцу*», Иеронимъ: «побѣдителю», Θεοδοσιοςъ: «въ побѣду», Симмахъ: «побѣдный», Таргумъ: «въ славу»). Упражнения происходили послѣ ужина, въ нашемъ номерѣ. Но къ этой задачѣ вскорѣ присоединились и другія. Рѣшено было каждому «бременцу» послѣ ужина, по череду непременно разсказать одинъ анекдотъ, и для записи этихъ анекдотовъ заведена толстая въ листъ и переплетеная книга. Особымъ остроуміемъ и неисчерпаемостью отличался ходившій къ намъ изъ Лаврской башни товарищъ Дим. Евг. Вознесенскій, подпавшій потомъ неумѣренному потребленію водки и окончательно спившемуся уже на службѣ. Кто не могъ разсказать анекдота или разсказывалъ анекдотъ, по общему приговору, плохо, съ того присуждали штрафъ: полбутылки или бутылку водки и на закуску—коровьей печени, изъ съѣстной палатки на базарной площади, —а хлѣбъ, соль, горчица и соленые огурцы брались на кухнѣ безвозмездно. Объ этомъ составлялся журналъ, вмѣстѣ съ анекдотомъ вписывался въ книгу и всеми бременцами подписывался. Потребленіе штрафа совершалось въ «печурѣ» т. е. въ каморкѣ помернаго служителя—Василія Ивановича, стараго Николаевского инвалида. Служитель сей хотя и подозрѣвался въ шпионствѣ, и хотя эти подозрѣнія сначала и возмущали многихъ, но потомъ все свыклись съ этимъ, не видя никакихъ воздѣйствій со стороны инспектора. Къ анекдотистчкѣ потомъ присоединилось и шутовство литературное. Былъ среди бременцевъ одинъ любитель стихотворства, обладавшій нѣкоторыми денежными ресурсами. Бременцы воспользовались слабостью товарища и сначала назначили съ стихотворца утѣненіе за слушаніе и оцѣнку его произведеній, о чемъ также составлялся журналъ. Потомъ однажды учинили конкурсъ на стихотвореніе, подъ условіемъ штрафа съ побѣжденнаго. Нашелся стихотворцу одинъ конкурентъ. Въ контрастъ протяженно-сложенному стихотворенію нашего поэта, конкурентъ этотъ прочиталъ коротенькое, въ

10—12 строкъ, стихотвореніе, но весьма поэтичное, стройное, музыкальное. Всѣ, не исключая и самого стихотворца, признали превосходство за новоявленнымъ поэтомъ. Составленъ журналъ, потребленъ штрафъ въ печурѣ Василя Ивановича. Во время пирушки стихотворецъ былъ невеселъ, пораженіе и неожиданная конкуренція видимо удручали его. Но въ концѣ пирушки конкурентъ заявилъ, что онъ прочиталъ не свое стихотвореніе, а малоизвѣстное Пушкина или Лермонтова, не помню. Сообщение это хотя и неприятно изобличило невѣжество насъ—судей, но обрадовало стихотворца и вполне примирило его съ незаслуженнымъ штрафомъ. Кончилась шутка къ общему удовольствію. Но предъ рождественскими каникулами насталъ печальный конецъ бременскаго общества. Инспекція объявила намъ, что по какимъ-то доносамъ или по чему другому предстоитъ намъ жандармскій обыскъ и чтобы мы приготовились къ этому. Возникъ вопросъ о книгѣ журналовъ бременскаго общества. У страха глаза велики. Стали думать объ инспекціи, могущей получить въ руки письменныя самосвидѣтельства наши о выпивкахъ. А еще болѣе смущалъ насъ шуточный и не всегда приличный тонъ журналовъ. Кто-то заявилъ, что эти журналы не соотвѣтствуютъ солидности студентовъ духовной Академіи. Рѣшило предположеніе, что жандармы поймутъ шутковской тонъ журналовъ за шифръ чего-либо другаго, серьезнаго, политическаго. Толстый фоліантъ, уже болѣе половины наполненный шутками, анекдотами и пр., въ одинъ морозный вечеръ постнаго дня былъ торжественно преданъ сожженію въ одной изъ печей, и на общую складчину совершена была поминальная тризна въ печурѣ Николаевского инвалида Василя Ивановича. Жаль этого любопытнѣйшаго памятника *Academiae historiae arcanae*. Такъ печально окончилось это единственное и недолгомѣсячное студенческое общество наше за все четырехлѣтіе нашего курса. Послѣ этого печурный клубъ на нашемъ курсѣ прекратилъ свое бытіе. Общія выпивки ограничивались только «генеральными», по случаю произнесенія проповѣдей и иногда именинными. Но, по своей нелюдимости, я участія въ нихъ не принималъ, — во всякомъ случаѣ не помню. Случаи, подобные бывшему со мною и Кедровымъ (описанъ мною въ статьѣ о С. К. Смирновѣ), составляли рѣдкое исключеніе. Вообще нашъ

курсъ въ этомъ отношеніи отличался умѣренностью. Злоупотреблялъ, кажется, одинъ только упомянутый Вознесенскій, получившій, если не ошибаюсь, на третьемъ году, такой внушительный нагоняй отъ инспектора—Зевса, что остепенился на все прочее время своего пребыванія въ академіи. Но онъ жилъ не въ академическомъ корпусѣ, а въ Лаврской башнѣ, гдѣ за недостаткомъ академическаго помѣщенія, помѣщены были взятые Лаврою на свое изживоніе нѣсколько человекъ нашего курса. Впослѣдствіи онъ оказался неисправимымъ алкоголикомъ и умеръ отъ этого недуга. Вышелъ изъ нашего курса и еще одинъ несчастный—И. А. Плакентъ, вызванный на должность академическаго секретаря ректоромъ еп. Христофоромъ, а потомъ переправленный въ секретари тверской консисторіи и скоро умершій. Но во все четырехлѣтіе студенчества я не замѣчалъ въ немъ нисколько задатковъ алкогольнаго недуга: это былъ скромный, выдержанный, всегда ровный и приличный студентъ и задушевный товарищъ. Неумѣренность и некорректность въ этомъ отношеніи, какъ мнѣ казалось, можетъ быть и повѣрно, проявляли нѣкоторые студенты старшаго (29-го) курса -- остатки дореформенной академіи. Помню одинъ случай, оставившій во мнѣ гадливое впечатлѣніе: на первый день Пасхи компанія пьянѣйшихъ студентовъ этого курса, во главѣ съ умершимъ уже И-мъ, буйно ворвалась въ столовую съ пѣніемъ, подъ аккомпаниментъ балалайки, неприличныхъ пародій на пасхальные ирмосы, причемъ первыя слова и напѣвъ брались отъ ирмосовъ, а далѣе слѣдовали дрянныя пародіи. Это гадкое воспоминаніе доселѣ портитъ мнѣ настроеніе во время пасхальной утрени, почему и считаю нужнымъ сообщить о немъ въ моихъ воспоминаніяхъ—въ пѣсляхъ педагогіи.—Неумѣлое обращеніе съ опаснымъ возбудителемъ юношескаго веселья стало появляться и на курсахъ, младшихъ нашего. Въ бытность мою «старшимъ» въ одномъ изъ номеровъ младшаго курса мнѣ пришлось не разъ покривить душою предъ инспекторомъ, напередъ меня и лучше меня и безъ меня знавшимъ все, но выслушивавшимъ всегда и неизмѣнно докладъ о полномъ благобытіи вѣрннаго мнѣ академическою властью номера.

Каждый работаль, изучаль, думаль особнякомъ, самъ по

себѣ, не дѣлясь ни съ кѣмъ своими мыслями и планами; царилъ крайній индивидуализмъ въ ученюмъ дѣлѣ.

За весьма рѣдкими исключениями не замѣчалось особаго увлеченія сочиненіями: работали, въ большинствѣ, по казенной надобности. Припоминаются: Соколовъ П. И. о вѣтохозавѣтныхъ писаніяхъ въ христіанской церкви (Елеонскому), Кедровъ С. И. объ Авраамѣ Палицынѣ (Голубинскому), Дьяченко Г. М., о Бунзенѣ (Михаилу), Перовъ И. Ѡ. о спархіальныхъ учрежденіяхъ русской церкви 16—17 вѣковъ (Лаврову), Ильинскій Н. И. о синаггѣ Властара (ему же) и нѣк. др.

Столъ академическій мнѣ представлялся превосходнымъ и количественно и качественно. Для правильной оцѣнки этого представленія моего можетъ-быть надо принять во вниманіе мою жизнь во время училищнаго и семинарскаго обученія. Вдвоемъ съ братомъ мы содержались на полномъ изживденіи родителя нашего, въ точномъ смыслѣ «полуищаго» сельскаго священника. Нерѣдко приходилось бывать въ положеніи Некрасовскаго «странничка» и поддѣвать себѣ: «холодно, страшичекъ, холодно! голодно, милешкій, голодно!» А тутъ ежедневный обѣдъ изъ трехъ и ужинъ изъ двухъ блюдъ. Да какихъ блюдъ то?! — Сначала: супъ съ мясомъ, или рыбою—главизною, сытками, даже бѣлоозерскими, или грибами,—потомъ: мясо или котлеты съ протертымъ картофелемъ, или рыба жареная, а въ заключеніе: макароны съ сахаромъ, или пирожки съ кишинецомъ, или каша гречневая съ масломъ, или клюквенный кисель съ ситнымъ, или сваренная въ молокѣ съ мукой и сахаромъ морковь. Превзобильно и превкусно! Въ праздники прибавлялся къ обѣду кусокъ пирога—кулебяка съ начинкою. Ужъ и невозможно было всего осилить и нѣкоторые брали пирогъ съ собою—для чая. Вспоминаю вкусныя блюда въ сочевники, на первой и страстной недѣляхъ великаго поста: рубленые грибы съ квасомъ и сухимъ хрѣномъ, тертая картофель съ подсолнечнымъ масломъ и лукомъ, моченая вишковая капуста съ масломъ и лукомъ, клюквенный кисель съ ситнымъ. Въместо ужина предъ днями причастія—въ пятницу первой и среду страстной недѣль—выдавалась на руки пшеничная булка. Много ли найдется такъ называемыхъ состоятельныхъ людей, пользующихся такимъ столомъ. О выда-

ющихся праздникахъ уже нечего и говорить—Покревь (Академическій храмовой праздникъ), Рождество Христово, Благовѣщеніе, Пасха, Вознесеніе. Тутъ бывали и поросята, и гуся и индюшки, и стерляди, и осстрина, и арбузы съ яблоками свѣжими и мочеными, и виноградъ. А на масляной блины съ масломъ и лукомъ и смѣтаною и снятками. Но ни вина ни пива не полагалось никогда. Только на ужинѣ прощеннаго дня подавалась большая тарелка саговой каши съ налитымъ въ нее краснымъ церковнымъ випомъ. Были впрочемъ и недовольные столомъ, особенно постнымъ. Попадались иногда неудачныя миски съ бѣлужьими зebraми, имѣвшими видъ темнокоричневыхъ толстыхъ волокогъ: ихъ называли почему то крокодиловой кожей или крокодилами. Многіе не любили снятковъ, даже бѣлоозерскихъ, почему то получившихъ названіе виледемскихъ младенцевъ. Не одобрительно относились къ пирожкамъ съ кишнецомъ и макаронамъ. Но кашу любили всѣ, а я—все. На наступающую недѣлю впередъ обычно составлялось расписаніе кушаній и за рамкой вывѣшивалось въ столовой для всеобщаго свѣдѣнія. Литературнымъ и кулинарнымъ шедевромъ этого росписанія служилъ «бифштексъ». Такое названіе посиль обыкновенный картофельный супъ съ прибавленіемъ къ нему холодной рубленной котлетки изъ мяса. Блюдо это, очень вкусное и любимое студентами, всегда неизмѣнно въ скоромныя дни подавалось за ужиномъ по субботамъ. Также неопустительно являлся на эти ужины въ столовую и инспекторъ, послѣ всенощной. Зевесовидное начальство торжественно и медленно обходило длинныя столы, съ видимымъ удовольствіемъ созерцая ряды молодежи, аппетитно уписывавшей во всѣ скулы вкусное блюдо. На это блюдо, повидимому, и были рассчитаны посѣщенія, или наоборотъ—блюда назначались въ виду этихъ посѣщеній. Такъ можно думать потому, что въ постныя субботы, когда «бифштексъ» отсутствовалъ въ росписаніи, инспекторскихъ посѣщеній не бывало. Изъ-за этого «бифштекса» со мною случился курьезъ, когда я былъ уже преподавателемъ академіи. Захотѣлось мнѣ въ Москвѣ побаловаться обѣдомъ въ хорошемъ ресторанѣ. Иду въ «Большую Московскую Гостиницу», беру меню и заказываю любимый студенческій «бифштексъ». Но какое разочарованіе, когда мнѣ подали кусокъ полусырогго

мяса съ проступающею сукровицею... Фи, какая гадость! Могъ съѣсть только поджаренный картофель и строганный хрѣвъ, а самую цѣвную часть блюда оставилъ въ пользу ресторана. За то я узналъ, что такое настоящій бифштексъ, хотя о вкусовыхъ свойствахъ его доселѣ не имѣю представленія.—Для наблюденія за кухней и столомъ назначались по алфавиту дежурные студенты младшаго курса, о составѣ и удовлетворительности стола они ежедневно докладывали по начальству и удостоверяли это собственноручнымъ свидѣтельствомъ въ какой-то книгѣ. Самое же наблюдение за кухней, сколько знаю, на дѣлѣ не совершалось. Вообще столомъ, по крайней мѣрѣ официально, студенты были довольны. Припоминается только одинъ случай, когда всѣ курсы сговорились заявить о недоброкачественности запаха отъ какого то рыбнаго блюда. Для провѣрки дѣлаетъ экстренную экскурсію въ столовую Инспекторъ. Предназначено ли, или же случайно,—вѣрнѣе первое,—подходить инспекторъ къ студенту предшествовавшаго нашему курсу Н. И. Виноградову, уже и тогда (кажется, мы были па 3-мъ, а опъ на 4-мъ году) отличавшемся нелюдимостью и необычною наивностью. На вопросъ инспектора опъ во всеулышаніе заявилъ въ столовой, что рыба очень хорошая. Инспекторъ удовольствовался этимъ отвѣтомъ и торжественно вышелъ изъ столовой, своимъ видомъ какъ бы внушая студентамъ, что заявленіе ихъ—только капризъ заѣвшихъ мальчишекъ, тяготящихся церковнымъ уставомъ о постахъ. Виноградовъ всего вѣроятнѣе ничего не зналъ о всеобщемъ соглашеніи, и рыба навѣрно не была очень ужъ плоха... но жестокая молодежь рѣшила подвергнуть несчастнаго меланхолика херему. Это такъ подѣйствовало на неуравновѣшеннаго психически юношу, что съ тѣхъ поръ онъ сталъ уже обнаруживать явные признаки душевной ненормальности и кончалъ годъ въ академической больницѣ, гдѣ смѣнившій Страхова врачъ П. П. Аристарховъ и фельдшеръ совѣтывали ему поскорѣе жениться. Разстройство это не воспрепятствовало цвѣтущему какъ розанъ и скромному какъ дѣвица юношѣ отпечатать свое кандидатское сочиненіе «О кончипѣ міра» и даже составить и защитить магистерскую диссертацию «Притчи Господа нашего І. Христа»,—быть наставникомъ въ семина-

рін по греческому языку и даже мечтать о степени доктора богословія. Но... душевный недугъ усилился, Н. И. долженъ былъ уйти въ отставку на ничтожную пенсію и въ едва не нищенскомъ видѣ влачить по истинѣ жалкое существованіе въ Сергіевскомъ Посадѣ—до предшествующаго (1916) года, когда опъ окончилъ свою несчастную жизнь земную.—Едва ли не все магистры нашей академіи на своихъ диспутахъ—коллеквіумахъ подвергались его страннымъ возраженіямъ, до самаго послѣдняго времени составлявшимъ какъ бы неизбѣжное *granum salis* магистерства.

У кого водились деньгата въ кошелькѣ, ухитрялись постное меню переводить на скоромное, при посредствѣ тогдашняго фельдшера или же прямо чрезъ повара.

На чай, сахаръ и булку выдавалось ежемѣсячно по 3 р. на студента. Такъ какъ многіе, и я, утромъ не имѣли обычая заниматься ѣдою, то этого пайка не только вполне хватало на чай и сахаръ, особенно при общинномъ веденіи дѣла, но и на табакъ, даже на выпивку. У меня остатокъ шель главнымъ образомъ на «сбитень». Съ этимъ напиткомъ ходилъ къ намъ старій-престарій сбитенщикъ, поминувшій разныхъ архіереевъ и архимандритовъ, вышедшихъ даже еще изъ Троицкой Семинаріи. При пріѣздѣ въ Лавру, многіе изъ нихъ обязательно посылали за старикомъ (имени не помню) и впоминали добрую старину за ароматнымъ питьемъ. Многое опъ поразказывалъ о нихъ, но я, увлеченный тогда философскими абстрактами, нисколько не цѣнилъ разказную или сиплетническую сторону исторіи и потому мало слушалъ розказни болтливаго сбитенщика, предпочитая его ароматическій напитокъ. Варился опъ въ особомъ, изъ красной мѣди и луженомъ, самоварѣ, имѣвшемъ видъ огромнаго чайника съ трубою для горѣнія углей по срединѣ. Варился въ этомъ чайникѣ медъ, разведенный водою и сдобренный пряностями—корицею, гвоздикомъ и еще чѣмъ-то. Напитокъ превкусный, куда вкуенѣ теперешняго чая съ сахаромъ не только въ прикуску, но и въ накладку. Одни употребляли сбитень съ чистомъ видѣ, а другіе, и я, любили подливать кипяченаго молока. Въ томъ и другомъ случаѣ непременно съ мягкимъ московскимъ калачемъ. Стакапъ сбитня съ калачемъ стоить, если не ошибаюсь, копѣекъ пять. Многіе брез-

говали нечищенымъ самоваромъ, не мытыми стаканами, грязными вытиралками, руками, фартукомъ, овчиннымъ съ особымъ запахомъ полушубкомъ, валеными салогами и потертою шапкою торговца. Весь вообще старый сбитеникъ былъ, надо признаться, необычно грязноватъ! Но... вѣдь дешево, вкусно, питательно! Ну, а насчетъ чистоты... намъ, деревенцинѣ полунищенской, полукрестьянской, —взмаскательными быть не приходилось! На навозѣ, въ поляхъ, лугахъ и лѣсахъ, вмѣстѣ съ русскимъ мужикомъ выросли! Мужиковиною надо объяснять и ту странность, что многие изъ насъ съ безразличностью смотрѣли на чистку зубовъ и полосканье рта по утрамъ нѣкоторыми студентами, преимущественно москвичами. Привычку эту я усвоилъ уже въ очень почтенномъ возрастѣ, по совѣту одного врача и подъ вліяніемъ лѣчебниковъ. А между тѣмъ я доселѣ не знаю зубной боли, и всѣ до одного зуба цѣлы. Только въ раннемъ дѣтствѣ я едва припоминаю распухшую щеку и то, какъ дѣдъ заговаривалъ мою зубную боль. Этотъ ли разговоръ или же природа суть причина доселѣшней сохранности и безболѣзненности зубовъ моихъ, это остается для меня неизвѣстнымъ. Кажется, не имѣлъ я привычки и употреблять мыло при умываніи: пользовался одною водою. Но баню любилъ и попустительски посѣщалъ ее каждую недѣлю, что дѣлаю доселѣ, съ хлестаніемъ себя березовымъ вѣшникомъ, или пареніемъ при 60° температурѣ, —въ пару, образуемомъ отъ бросанія изъ ковша горячей воды на раскаленные камни (подаваніе пара). Свое начало эта привычка париться получила еще въ дѣтствѣ, когда я обучался въ Скопинскомъ духовномъ училищѣ. Хозяинъ квартиры, гдѣ я жилъ (его звали всѣ «Паня Ломаный», настоящее имя и отечество: Павелъ Филипповичъ, фамилію не помню), —богатырь по сложенію и силѣ, —обыкновенно всѣхъ, поступающихъ къ нему на квартиру, новичковъ самъ парилъ въ своей банѣ на полкѣ и потомъ бросалъ въ находившійся предъ банею надъ мелкимъ колодчикомъ (кадочкою) большой сугробъ снѣга. Только въ первый разъ это было страшновато. А потомъ мы сами охотно продѣлывали эти штуки и съ удовольствіемъ барахтались въ снѣгу, особенно въ свѣжемъ и рыхломъ.

Горячему водяному пару, по крайней мѣрѣ хоть отчасти, быть-можетъ обязаны волосы на головѣ моей своимъ сохране-

ніемъ до сего дня, на переکورъ установившемуся общему мнѣнію объ академической, она же и монастырская, водѣ, какъ виновницѣ, по своей жесткости и насыщенности извѣстью, преждевременной плѣшивости молодыхъ студентовъ. Но опытъ показываетъ, что многіе, отъ роду никогда не парившіеся, до старости сохраняютъ свою шевелюру, а другіе, хотя и позволяющіе себѣ удовольствіе паренья, даже въ усиленной степени, щеголяютъ плѣшью. Поэтому какъ сохраненіе зубовъ должно объяснять не щеткою и мѣломъ, а главнымъ образомъ природою, такъ и за отсутствіе преждевременной плѣшивости подобаетъ благодарить не баню съ ея парами, а отца съ матерью.

То же самое я долженъ сказать и о зрѣніи. При усиленной работѣ глазъ, освѣщеніе, съ точки зрѣнія современной культурности и гигиеничности, было, можно сказать, не позволительное. Большимъ временемъ занятій была зима: сентябрь—мартъ, когда читались источники и пособія на разныхъ иностранныхъ языкахъ, писались и переписывались сочиненія. Днемъ, во время лекціонное, можно было, опуская лекціи, работать у окна и за ясеневою конторкою. Но въ вечерніе часы занятій по необходимости приходилось сидѣть на твердыхъ ясеневыхъ стульяхъ вокзальнаго стиля за массивными и длинными ясеневыми столами $1\frac{1}{2}$ —2 аршинной ширины. Не помню точно, на 2-хъ или 4-хъ визави полагалась одна свѣча,—притомъ нѣкоторое время съ пачала поступленія въ академію нашего курса,—сальная, съ быстро пагаравшимъ фитилемъ, требовавшимъ постоянного употребленія особыхъ желѣзныхъ щипцовъ, коими кто-либо долженъ былъ снимать пагарь,—тусклымъ и дрожащимъ пламенемъ красноватаго цвѣта, дымомъ и прогивнымъ запахомъ сальной гари. Но этотъ, даже для всѣхъ тогдашнихъ семинарій и училищъ духовныхъ анахронизмъ былъ скоро устраненъ: сальные свѣчи смѣнились калетовскими, хотя количественное распредѣленіе ихъ осталось прежнее. Только «старшему» полагались отдѣльный столъ и свѣча—въ спальнѣ. Керосиновые лампы не употреблялись ни казенныя, ни свои собственныя, какъ это было потомъ. Несмотря на такое по теперешнему можно сказать не культурное и антигигиеническое освѣщеніе, и зрѣніе мое доселѣ сохраняется въ хорошемъ состояніи: лишь не очень давно я сталъ привыкать при

чтеніи и писаніи, къ постоянному употребленію стариковскаго пѣсне съ невысокимъ номеромъ, кажется 18. И этимъ благомъ, какъ и двумя предшествующими, я обязанъ главнымъ образомъ, конечно, природѣ, и лишь отчасти быть-можетъ экономичности и такъ-сказать воздержности въ освѣщеніи, при усиленныхъ работахъ глазами въ юныхъ годахъ.

Вставали съ постели и пили чай, когда кто хотѣлъ. Общихъ и обязательныхъ молитвъ утреннихъ начальство не требовало, предоставляя это совѣсти и волѣ cadaго. Немногіе ходили въ Троицкій соборъ, молились тамъ предъ мощами преп. Сергія и прикладывались къ нимъ. Лекціи шли съ 9-ти до 2-хъ часовъ,—пять лекцій, официально по часу каждая, а на дѣлѣ по 30—35 минутъ,—и только старшіе профессора, привыкшіе къ дореформеннымъ двухчасовымъ лекціямъ, ходили и на 40—50 минутъ (Амфитеатровъ, П. С. Казанскій, В. Д. Кудрявцевъ, Д. О. Голубинскій). На нашемъ богословскомъ, и особенно на церковно-практическомъ отдѣленіяхъ было много пустыхъ часовъ, коими пользовались въ первые два года для изученія новыхъ иностранныхъ языковъ, а въ третій—для кандидатскаго сочиненія. Незнаніе хотя бы одного изъ новыхъ языковъ, особенно нѣмецкаго, было крайне рѣдкимъ исключеніемъ. Многіе знали два, нѣкоторые и три языка. Къ лекціонному времени приурочивались и диспуты. Къ даннымъ уже мною сообщеніямъ о диспутахъ П. С. Казанскаго, С. К. Смирнова и Н. И. Субботина могу присоединить еще М. И. Соболева, зацѣпившаго тезисы изъ магистерской диссертациі на тему: «Дѣйствительность воскресенія Господа нашего Іисуса Христа», въ 1875-мъ году. Возражалъ Михаилъ очень занятно, но самихъ возраженій не помню, какъ не помню и другихъ аннонентовъ. При мнѣ же былъ магистерскій диспутъ Н. О. Каптерева, въ 1874-мъ году, но я или отсутствовалъ, или ничего не помню. Къ сказанному о докторскомъ диспутѣ С. К. Смирнова, тогдашняго инспектора нашего, въ данъ исторической методѣ сдѣланнымъ анекдота, могу сообщить пущенный послѣ диспута разговоръ о томъ, что при запросѣ Лаврова о кабинетной работѣ докторанта, сокрытой авторомъ отъ читателя диссертациі, острять—докторъ Страховъ будто бы сказалъ сдѣвшимъ около него профессорамъ и студентамъ, указуя на запятую семью

главнымъ образомъ дочерью докторанта цѣлую заднюю скамью или рядъ стульевъ: «вотъ его кабинетная работа». Анекдотъ пошлый, даже неприличный, во всякомъ случаѣ невѣрно освѣщающій учено-профессорскую личность докторанта. Своими многочисленными и учеными капитальными работами по исторіи русской церкви С. К-чъ въ то время уже стяжалъ себѣ вполне заслуженную славу въ ученомъ мірѣ. И славу эту не только не затемняло, но, какъ и великому историку Россіи—Соловьеву, удвояло и осіявало многочадіе, столь же достопочтенное, какъ и ученое плодоношеніе. Анекдотъ этотъ, вѣроятно, былъ дѣломъ той же партійности, что и возраженія П. И. Горскаго. Къ сожалѣнію диспутанты не озабочивались предварительно знакомить студентовъ не только съ своими диссертаціями, но даже и съ общими ихъ положеніями или такъ называвшимися тогда и предъ диспутами печатавшимися „тезисами“. Приходилось слушать ихъ abruptly, безъ всякой подготовки и интереса. И все же диспуты доставляли студентамъ превеликое и даже единственное въ своемъ родѣ и ничѣмъ еще незамѣнимое удовольствіе, при отсутствіи кружковины и рефератовъ въ самомъ студенчествѣ. Тѣмъ болѣе приходится глубоко жалѣть отгмѣну докторскихъ диспутовъ по совершенно чуждымъ наукѣ мотивамъ,—и всячески желать скорѣйшаго возстановленія этого во всѣхъ отношеніяхъ полезнаго и нужнаго дѣла. Подспудность всего менѣе свойственна наукѣ.

Послѣобѣденное время до 5-ти часовъ шло на прогулку, отдыхъ въ номерахъ и спальняхъ, у многихъ и на занятіе чѣмъ-либо книжнымъ, ибо ни рисованіемъ ни музыкою у насъ никто не увлекался,—и на чаепитіе въ общей столовой. Съ пяти часовъ до ужина, т. е. до 9-ти часовъ въ будни и до 8-ми по праздникамъ, сидѣли въ номерахъ за общими столами и при общихъ свѣчахъ, другъ противъ друга. Громко разговаривать и курить, вообще мѣшать чѣмъ-либо занятіямъ не дозволялось. Потомъ ужинъ, а послѣ него пѣсни и танцы въ столовой младшаго курса, гдѣ стояла рояль, хотя ни одного порядочнаго игрока не было. А въ нашемъ номерѣ, въ первомъ году, большею частію происходили горячіе споры между нѣкоторыми любителями упражненій въ славопреніи. Споры—безъ темы, предмета, системы и цѣли. Начинается съ чегонибудь, переходитъ къ другому, третьему и т. д. до

„небесной механики“. Большинство, если не всѣ, кромѣ самихъ спорщиковъ конечно, смотрѣли на эти словопренія какъ на развлеченіе и насмѣшливо. У насъ даже было условлено нарочно ввязываться въ споръ, чтобы направлять спорщиковъ къ „небесной механикѣ“,—и какъ только рѣчь заходила о „небесной механикѣ“, споръ считался оконченнымъ, мы рукоплескали и расходились. Но и послѣ этого спорщики нерѣдко продолжали это дѣло съ увлеченіемъ, неизмѣнно высокими и громкими голосами, разгоряченно. На нашемъ курсѣ это было только въ теченіе перваго года. Потомъ мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ подобныхъ же дебатовъ между студентами младшихъ курсовъ, когда я былъ уже на 4-мъ году „старшимъ“ у нихъ.

М. Муретовъ.
